

Уточнения к Меркулову и «Переформату»

[Лев Клейн](#)

Каюсь, только сейчас мне попала на глаза заметка канд. ист. наук В.И. Меркулова, завязтого антинорманиста, на сайте «Переформат» от 12 марта 2014 года под ученым названием «Теория несогласных с историей России». Поисковик выдает ее на каждое из основных понятий, в ней употребленных.

Название, прямо скажем, путанное. Я и многие историки не согласны с той историей, которую нам рисует Меркулов, но ведь и он не согласен с той историей, которой учат в школе и вузах. Чья же теория излагается или критикуется в заметке?

В заметке Меркулов пытается разъяснить простому народу, что такое норманизм и почему автор с таким пылом против него воюет. Так что же такое норманизм по Меркулову? Норманисты «поливают грязью выдающихся деятелей собственной науки и культуры». Это несколько неясно, и Меркулов дает общее определение жирным шрифтом: «**Норманист – это тот, кто не различает варягов и скандинавов**». То есть всякий, кто считает летописных варягов скандинавами по происхождению. А так как это все основные русские историки прошлых и нынешних времен – Карамзин, Погодин, Соловьев, Ключевский, Бестужев-Рюмин, Черепнин, Пашуто и даже Рыбаков и Мавродин, то все они по Меркулову, норманисты и «поливают грязью» и т. д. А благородные антинорманисты – это та кучка «согласных с историей России» (по Меркулову), к которым в далеком прошлом принадлежало и несколько известных российских ученых, исторического образования не имевших. Сюда принадлежали Ломоносов и Забелин.

Считаю излишним разъяснять, что само слово «варяг» происходит от скандинавского слова «вар» (клятва), и что так называли скандинавских наемников, присягнувших на верность византийскому императору (основа «вэринг» с древнегерманским суффиксом -инг, закономерно давшим славянское -енг > -яг). А вот напомнить нужно, что в науке никакой «норманнской теории», которую бы отстаивали некие ученые и которая бы заслуживала суффикса -изм, не существует. Норманизм — это жупел, которым антинорманисты клеймят своих оппонентов в споре о фактах и пугают обывателя.

В качестве «веского доказательства», сколь неправы и коварны норманисты, передавая свои знания следующему поколению, Меркулов демонстрирует эпизод из детского фильма «Ералаш», в котором один мальчик бьет другого книгой по голове. Так Меркулов воспринял опровержения своих фантазий. При этом он излагает свое деление норманистов на категории: мальчики иллюстрируют категорию норманистов-по-привычке. Затем идут норманисты-романтики – сюда он относит археолога Кулакова, «неплохого в целом», но посмеявшегося снабдить термин «русы» в средневековом описании примечанием «в данном случае имеются в виду скандинавские викинги». Дан и портрет охальника. И, наконец, он переходит к категории, вероятно, главной: профессиональные норманисты. Тут помещен мой портрет и снимок обложки моей книги «Другая любовь» — книги о гомосексуализме. Какое она отношение имеет к норманнскому вопросу, остается тайной господина Меркулова. Тайной остается и то, почему Меркулов взял меня для иллюстрации профессионального норманиста: норманнский вопрос занимает около одной сороковой в моей тематике по числу работ, а из числа монографий – около одной тридцать восьмой (пусть посмотрит список моих работ). Ну, тут он не оригинален – это начал В. В. Фомин в своей рецензии на мою книгу о варягах.

Вся краткая характеристика моей личности у Меркулова изобилует ошибками. Я никогда не работал в Институте истории материальной культуры. Моя работа – это Ленинградский/Петербургский Университет, также Европейский университет, к основанию которого я причастен. Академик Б. А. Рыбаков никогда не «разоблачал» меня в своих работах. Это я критиковал его труды. Коронным аргументом против норманизма является следующий, припасенный на конец статьи: «*В 1981 году Клейн, преподававший тогда в Ленинградском государственном университете, был арестован по обвинению в мужеложестве, лишён всех учёных степеней и званий*».

Если уж быть столь детальным, что вспоминать эпизод 33-летней давности, то надо бы добавить: 1) что означенный «преступник» вины своей не признал; 2) что исходный приговор был вообще отменен судом высшей инстанции; 3) что следователь Стреминский поместил в журнале «Нева» (1991, № 2) открытое письмо, в котором объявил, что вел это дело по принуждению; 4) что Клейн опубликовал книгу о своем деле «Перевернутый мир», вышедшую тремя изданиями и переведенную на иностранные языки; 5) что автор именно по выходе из заключения занялся изучением самой проблемы, а вскоре (1993) был отменен сам закон. Да и «другую любовь» я не пропагандирую, а изучаю, не останавливаясь перед резкой критикой активистов. И уж, конечно, надо бы честности ради добавить, что мне снова присуждены степени и звания (доктор наук, профессор), и присуждены единогласно. И что я не только работал во многих иностранных университетах, но и был приглашен вернуться в Петербургский университет и работал там до пенсии.

Жаль, что г. Меркулов, ничего этого не зная, взялся обо мне писать. А ведь кто-то мог бы подумать, что он знает, но умалчивает об этом.

Ну, Меркулов также добавляет обо мне строчки, выдранные из какой-то биографической заметки (я видел их где-то еще):

«Позиционирует себя как убеждённый демократ, гуманист, сторонник либеральных ценностей, противник смертной казни, ксенофобии и национализма». Это всё очень поверхностно и неточно. Я ни за смертную казнь, ни против смертной казни нигде не выступал. Либеральных ценностей в общем придерживаюсь, но преувеличенной их трактовке, распространенной сейчас на западе и у наших критиков либерализма, чужд. Мой демократизм весьма ограничен, на толпу мракобесов и халявщиков не распространяется. И, наконец, заключительный аккорд: *«В статье «Диагноз» Клейн обращает внимание на происходящий, по его мнению, процесс «фашизации России», как со стороны общества, так и со стороны власти».* А вот этот донос Меркулов имеет основания сделать. Я действительно так считаю, такой процесс не я один замечаю, а способствуют ли этой фашизации некоторые наиболее активные антиинорманисты, предоставляю судить читателю.